

ОБ ОДНОЙ ЗАБЫТОЙ ГИПОТЕЗЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ РАЗВИТИЯ (на примере сибирской орнитоморфной пластики палеолита)

Введение

Проникнуть в тайны изобразительных источников палеолита пытались многие исследователи. Но, несмотря на обилие работ и наличие определенных результатов, в палеоискусствоведении известны темы, по тем или иным причинам обойденные вниманием. Одна из них – семантика орнитоморфных изображений палеолита. Интерес к ней выражен в ряде статей и замечательных монографий, но в сравнении со стремлением к раскрытию содержательности других образов, более характерных для палеолитического изобразительного творчества, обозначен он много слабее.

Интересующиеся историей развития отечественного палеоискусствоведения без труда могут вспомнить обсуждение археологами в 1950–1960 гг. ряда проблем интерпретации орнитоморфных изображений. Рассматривая эволюцию хозяйственной деятельности по археологическим источникам, С.Н. Замятнин высказал предположение о связи между появлением орнитоморфной тематики в искусстве палеолита и эволюцией охотничьего снаряжения, в ходе которой увеличивалось значение птицы в рационе питания палеочеловека, что, в свою очередь, способствовало развитию соответствующей сюжетики [1960].

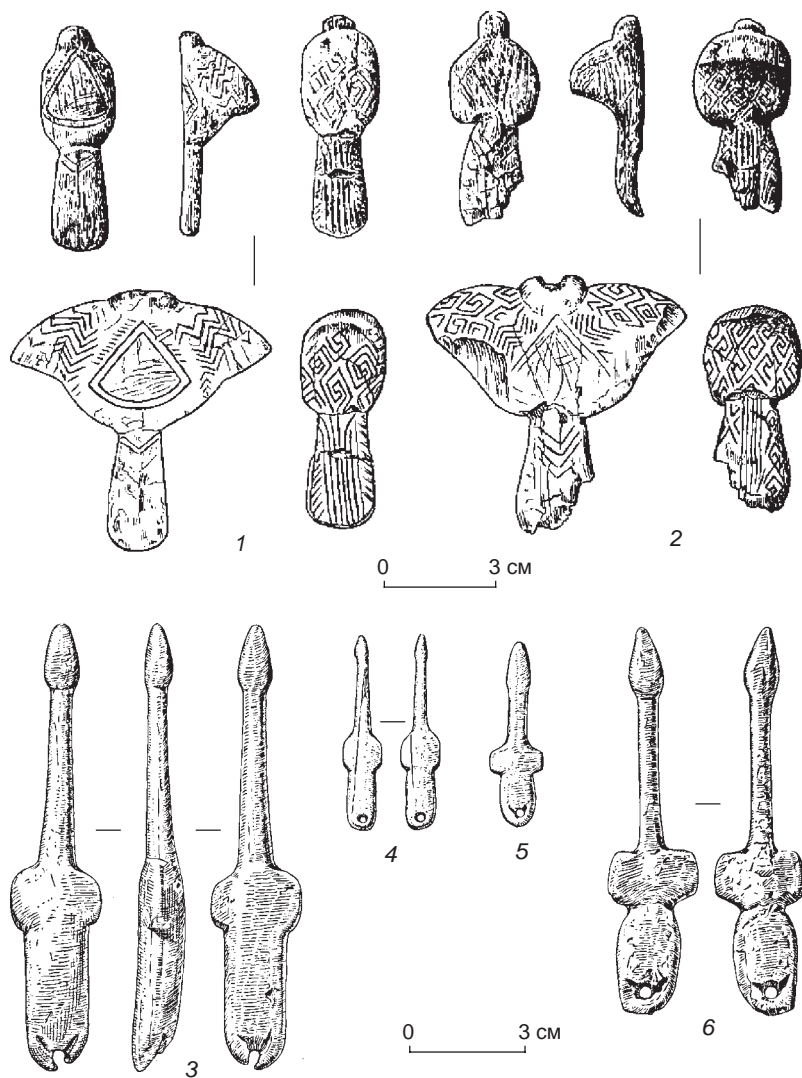
Заключение общего характера было использовано при обсуждении культурной значимости конкретных находок. Прежде всего отмечалась принадлежность к «хозяйственной теме» странных мезинских орнитоморфных изображений, наличие серьезного экономического интереса к прототипам которых (очень мелкая птица) предположить сложно (см. *рисунок, 1, 2*).

Они поставлены П.И. Борисковским в один ряд с мальтинскими изображениями «гагар-уток» (автор не указывает критерии сопоставления). Поэтому «хозяйственная значимость» первых в полной мере относится и к их «сибирским аналогам». Эту точку зрения разделял и В.И. Громов [Борисковский, 1953].

С возникновением охотничьего интереса к пернатым в эпоху палеолита не согласился А.А. Формозов. Для дротиков и копий эпохи, более ранней, чем неолит, эта добыча оставалась малодоступной, считает исследователь [1980]. С.А. Семенов приводит оригинальные и технически простые примеры ловли птиц, но появление промыслового интереса к птице связывает с эпохой мезолита [1968].

Мнение С.Н. Замятнина не вызвало широкого интереса, а интерпретация этого вида фигурок как предметов культа, свидетельств магических и тотемистических представлений палеолитического человека, предложенная М.М. Герасимовым, дополненная А.П. Окладниковым и их последователями, в науке утвердилась. Каждый из исследователей сосредоточил свое внимание на различных параметрах изобразительного текста, помогающих приблизиться к пониманию его содержания.

М.М. Герасимов сделал ряд важных замечаний, подчеркивающих семиотический статус конкретных произведений. Во-первых, он обратил внимание коллег на специфику места обнаружения мальтинских фигурок птиц – «в местах, огороженных плитами, в специально отведенном для них пространстве». Во-вторых, высказал предположения об их назначении – скорее всего, это были подвески, которые носили вместе с

Орнитоморфные изображения из Мезина (1, 2) и Мальты (3–6)
(по: [Абрамова, 1962, табл. XXXI, LI]).

фигурками женщин, что придавало их семантике культовую и магическую окраску [1931]. Таким образом, исследователь подчеркнул информационный статус орнитоморфного знака, опираясь сразу на несколько факторов: 1) знак занимает определенное положение в «закрытом тексте» с четкими границами; в одном случае это «пространство», огороженное плитами, в другом – погребение; 2) ощутима взаимосвязь (хотя и предполагаемая) с антропоморфными фигурками, т.е. выявлен статус знака в тексте (в данном случае им является костюм мальтинцев) через его расположение к другому яркому знаку; 3) особенность структуры знаков – все статуэтки имеют отверстия. Они расположены в нижних отделах фигурок, что подсказывает определенные способы использования данных предметов.

По мнению А.П. Окладникова, занимавшегося выявлением специфики культовой практики, в которой

данный образ мог быть востребован, на раннеродовом этапе развития общества широкое распространение получил процесс олицетворения стихий природы и структур Вселенной. Образ птицы, полагал исследователь, уже в палеолите ассоциировался с небом и солнцем [1967]. Его точку зрения разделял В.Н. Топоров [1972].

Б.А. Фролов связывал древнейшее изображение птицы с верхней сферой в трехчастной структуре мира [1992]. Поскольку управление этими стихиями было уделом шаманов, то и орнитоморфные образы могли восприниматься их помощниками, олицетворять благодетельные силы, «несущие свет и жизнь» [История Сибири..., 1968; Ozols, 1971; Напольских, 1992].

З.А. Абрамова, развивая эту тему, высказала предположение о появлении тотемистических культов, центральной фигурой которых являлась птица, в эпоху палеолита [1962].

Вопросы орнитоморфного символизма были затронуты и А.П. Кондратенко. Образ птицы виделся ему своеобразным хронологическим маркером в развитии мировоззрения палеолитической эпохи. В Мальте, по мнению исследователя, представлен культ птиц, сменивший культ змея. Он предлагает рассматривать мальтинские орнитоморфные фигурки как посредников между мирами [1983].

О значении этого символа-знака писали Б. Брентъес и Р.С. Васильевский.

Они видели в знаке олицетворение душ умерших либо их переносчиков в иные миры. Именно так воспринимаются лебеди в традиционных северных культурах [Brentjes, Vasilevsky, 1989].

Очертаниями фигурки мальтинских орнитоморфов напоминают австрийской исследовательнице Э. Гхацал прототип древнеегипетского знака жизни и одновременно фаллические символы [Ghazal, 1995].

Удивительно то, что в основе любого из вариантов объяснения лежит анализ изображения не только яркой образности, но и определенной знаковой полноты. Большая часть вариантов предлагает увидеть нам динамичный образ, способный или же способствующий перемещению в различных стихиях и пространствах. Но возможно ли прийти к подобному заключению, рассматривая конкретные фигурки мальтинских орнитоморфов?

Цели, источники и условия исследования

В работе формата статьи трудно достойным образом охарактеризовать даже половину из приведенных выше интерпретационных позиций, поэтому обратимся лишь к одной из них, к дискуссии, развернувшейся между С.Н. Замятниным и его оппонентами в 1960-х гг., выводы которой были резюмированы А.А. Формозовым. Если мы несколько сместим в ней акценты, расставленные советскими исследователями, то, вероятно, сможем получить новое видение давно известных предметов. Прежде чем приступить к разработке гипотезы или определять актуальность уже существующих, предлагается обратить внимание непосредственно на костяные изделия, изобразительные тексты и их знаковую полноту, характерные детали конкретных образов. Обязательным условием исследования сделаем непреложность тезиса о реализме палеолитического изобразительного творчества и важности любой «мелочи» изобразительного текста.

Обсуждение

Развитие и результаты рассматриваемой нами дискуссии вполне логичны, но только если ведущей темой признать проблему эволюции охотничьего снаряжения. Если же акцент перенести на вопрос зарождения хозяйственного интереса к птице в эпоху палеолита, то обсуждение можно продолжить. Обратимся к поиску этнографических параллелей и представим те из них, которые придают убедительность выдвинутой С.Н. Замятниным гипотезе (одной из ее подтем). Оставляя в стороне критику возможностей и ценность этнографических примеров для уточнения сюжетов культуры палеолита*, укажем, что полностью отвергать их значимость некорректно. Существуют ситуации и процедуры, прежде всего в сфере производства, эволюция которых в силу их крайней «простоты» невозможна.

Итак, производственная логика и форма отношений в цепочке охотник–добыча–экосистема меняются тогда, когда происходит изменение одного из звеньев. Разумеется, ничего палеолитического до нашего времени не сохранилось: нет ни палеолитического охотника, ни палеолитической добычи, ни палеоэкосистемы. Но если мы оставим в стороне недостижимые для интерпретаторов характерные маркеры эпохи,

*Мы избегаем использования данного приема, когда задача исследования связана с выявлением семантики или некоей содержательности палеоизображений, но здесь рассматриваем иные проявления культуры (см., напр.: [Левин, 1961; Файнберг, 1981; Шнирельман, 1984; Шмидт, 2004]).

например охоту на мамонтов, и обратимся к рассмотрению тех редких звеньев экологической цепи, которые «пережили» не только палеолит, то, пожалуй, сможем «оживить» некоторые элементы древней культуры. Все прекрасно понимают, что в палеолите охотились не только на мамонтов (и в основном не на них). Мелкие животные никогда не выпадали из поля зрения охотников. Но и здесь какие-либо реконструкции сложны, т.к. подвижность добычи затрудняла контакт с ней, а варианты приемов дистанционной охоты (ловушки, дротики, копья) видятся весьма «осовремененными»; замечание А.А. Формозова справедливо. Однако мы забываем еще об одном способе охоты – сборе животных в те редкие моменты неподвижности, когда их тело переносит сезонные изменения. В этом случае охоту сложно отличить от собирательства. Методы собирательства (будем добавлять «охотничьего собирательства») – тема более простая для размышлений. Простота ее в том, что алгоритмы данного вида хозяйственной деятельности не зависят от уровня развитости культуры, например, что могло измениться с эпохи палеолита в способах сбора ягод, грибов, плодов деревьев или овощей? Никаких сверхсложных, специализированных приспособлений для этого не требуется. Но мало кто может себе представить раскрытие данной темы на примере собирательства... птиц (не их яиц, не птенцов, а именно взрослых особей). С.Н. Замятниным данный прием был оставлен без должного внимания, т.к. никоим образом не принадлежал проблеме эволюции охотничьего снаряжения, над решением которой работал исследователь. Остается неясным, почему о нем не упомянул А.А. Формозов, критиковавший «развитие хозяйственного интереса к пернатым в палеолите». Хозяйственный интерес к чему-либо, его наличие и формы не всегда обусловлены развитием орудийной базы, но всегда связаны с экологической ситуацией*, в которой культура оказалась или же время от времени могла находиться. В данном случае прием, о котором идет речь, его результат или же условие, в силу своей простоты и одновременно определенной сверхъестественности для сознания человека, по-видимому, нашли свое место в знаковой сфере мальтинско-буретской культуры. Смысл такой трактовки образа видится в следующем.

Многим этнологам мира известны красочные обряды т.н. традиционных культур, объектом которых является перелетная птица. Ее не только торжественно встречают и провожают, но и отлавливают для потребления. Отлов происходит в определенное время

*Под экологической ситуацией в данном случае понимается вся совокупность природных факторов (и растительных, и животных), окружающих человека, их своеобразие, вызывающее определенную реакцию культуры на них.

года – в середине июля и начале августа. Оба месяца (вернее, их соответствующие отрезки) в календарях северных народов, особенно ярко у ненцев*, называются временем линьки птиц, иногда гусиным месяцем, месяцем лебедя. Во второй половине июля гуси начинают линять; в первой половине августа у них появляется новое оперение, «новое крыло». У гнездящихся гусей линька может продолжаться до шести недель, у остальных – вдвое меньше. В течение всего этого времени даже взрослые особи не могут летать. Учитывая неуклюжесть их наземного передвижения, становится ясно, что в этот период птицы представляют собой самую легкую из всех возможных добычу. Подробно процедуру сгона-сбора нелетающей птицы описал А.В. Головнев [1995].

Для нас эта информация интересна тем, что ее можно соотнести с изобразительным сюжетом палеолита Сибири «гагары-лебеди»**, с чрезвычайно короткими, «обрубленными» крыльями (см. рисунок, 3–6). Воспринимая отдельно взятое изображение законченным знаковым текстом, а характеризующие его детали – содержательными фрагментами, мы можем попытаться объяснить, пожалуй, самый загадочный его элемент – неестественно короткие крылья птиц. С учетом приведенного этнографического примера эта особенность может быть представлена метафорой специфического состояния птиц, для них неестественного и вместе с тем вполне реального. А что, как не реализм (иногда реализм любой ценой) присущ палеолитическому изобразительному творчеству? Достаточно взглянуть на длину лебединой шеи, которую косторезы Мальты и Бурети посчитали невозможным «стилизовать». Укорочены (иногда это делает образ неузнаваемым) именно крылья птиц. Стилизацию, конечно же, исключать нельзя, но в палеолите она никогда так сильно, как это представлено в материалах двух памятников, не угнетала образ. Своеобразие подачи образа, вероятно, обусловлено попыткой отразить конкретный сюжет из охотничьей практики или же метафору сезонного состояния культуры; оно может являться и знаковым выражением ее (культуры) сезонно-хозяйственных интересов.

Но объяснить данную ситуацию фактами, почерпнутыми исключительно из реальности, трудно. Почему

*Слабее эта тема, отражающая и соответствующий уровень промыслового интереса к пернатым, представлена у угорских народов, что, учитывая существование всем хорошо известного мифа о творении, странно. Несмотря на то, что сюжеты птиц-вестников в их календаре представлены чрезвычайно подробно, август является лишь «месяцем птенцов гагары» [Головнев, 1995, с. 375], но не самой гагары.

**По устному замечанию орнитолога А.В. Зиновьева, прототипом данных произведений мог быть только лебедь, если в своих рассуждениях опираться на тезис о предельной реалистичности палеолитического искусства.

птица в своем «ущербном» состоянии, пусть и очень «удобном» для человека, становится одной из двух ведущих тем изобразительного творчества палеочеловека Сибирского региона? Временной отрезок, в который данный знак может являться символом хозяйственной жизни общины, т.е. быть актуальным, короток – всего несколько недель*. Могут ли эти несколько недель оказать настолько сильное влияние на представительную образность культуры? Если формирование и содержательность знака связаны лишь с экономической ролью птицы, – то вряд ли. Подобная трактовка образа в этнографических обществах неизвестна, несмотря на то, что ему отведено место в хозяйственном календаре и практике культур. Отсутствует изображение птицы и в археологических слоях многих других памятников на территориях, которые находятся на путях миграции хозяйственно привлекательных пернатых. Следовательно, значимость образа заключалась в чем-то другом, более ярком, чем «хозяйственный потенциал».

Пытаясь интерпретировать данный образ, особое внимание стоит обратить на «ущербность» персонажа, подчеркнутую в десятке изображений. Интересно, что важность данного текста – птица, которая не может летать либо не может улететь, – отмечена сразу в нескольких сферах культуры древних мальтинцев. Изображения «гагар-лебедей» найдены в жилищах – «в мире живых», единственном погребении поселения – «в мире мертвых» и за пределами этих комплексов. Настолько глубокое проникновение образа в «текст» поселения настораживает и предупреждает о несбыточности надежд объяснить его знаковую конкретность.

Аргументированно продолжать рассуждения далее нет возможности; материалы памятника до сих пор не опубликованы. Но при доступной полноте археологической информации становится ясно, что этнографический пример интересен, однако основой орнитоморфного знака-образа стала не хозяйственная характеристика пернатых (большой частью не она). Эволюция отношений между птицей и человеком в палеолите, безусловно, сказалась на его формировании, но археологический контекст находок в Мальте и Бурети свидетельствует о более глубоком проникновении орнитоморфного образа в сферы сознания палеолитического человека. Ни мамонт, ни носорог, ни лев – звери не менее интересные с хозяйственной точки зрения (их кости также обнаружены на поселении) и уникальные в своей поведенческой активности – не удостоились такого внимания, как лебедь с обрезанными крыльями.

*Конечно же, нужно учитывать, что в течение этого непродолжительного времени делают заготовки мяса на несколько месяцев. Но речь идет о нескольких месяцах, причем не самых холодных, голодных и удобных для хранения. Даже при современных технологиях обработки мяса большая часть добычи, как указывает А.В. Головнев, пропадает.

Станным образом сам человек был связан, и в прямом, и в переносном смысле, с этой «ущербной» птицей. Вспомним предположение М.М. Герасимова о способе ношения костяных фигурок. Подвешенные на шнурках, прикрепленные благодаря отверстию в нижнем отделе скульптуры к одежде, они должны были бы повсюду сопровождать человека. Но, согласно зафиксированной археологами ситуации, подобая форма контакта была нечастой (возможно, лишь по праздникам). Иначе фигурки были бы обречены «исчезнуть» вместе с человеком. Заметен и понятен данный союз в комплексах, интерпретируемых как жилища. «Торжественная» связь между человеком и птицей нашла отражение в единственном погребении стоянки. Ощутимо ее присутствие и в «специально огороженных плитами пространствах» [Герасимов, 1931], не являющихся жилищами и погребениями, – человек специально их для чего-то создал, и фигурки птиц были частым элементом этих, пока непонятных нам конструкций.

Сложнее выявить взаимосвязь элементов в изобразительном поле памятника. Как было отмечено, оно настойчиво представляет две темы – «ущербную» птицу и «человека»*. Сфера их взаимодействия – жилище. Интересно, что антропоморфное изображение, как и фигурка птицы, могло находиться за пределами жилища или в «пространстве», огороженном плитами [Hančar, 1940, S. 111, Abb. 7], но в этом случае у антропоморфных статуэток иной сопроводительный контекст, в который птица не попадала, что выдает присутствие некоего различия (но не противопоставления) в содержательности этих знаков, – к ним человек обращался в разных ситуациях, либо они представляли качественно различные состояния человека.

Дальнейшие рассуждения убедят нас в необходимости работы с широким знаковым контекстом, где

---

*Стилистическая странность фигурок определяется наличием небросающихся в глаза мелких деталей. Впервые она была отмечена в западно-европейской литературе [Hančar, 1940; Bandi, Maringer, 1955; Graziosi, 1956; Drössler, 1980]. В отечественной науке развитие данной темы поддержала З.А. Абрамова. В одной из своих работ исследовательница затронула проблему передачи пропорций изображенных тел и указала на поразительные искажения, недостойные мастерства палеолитического костореза. Головы всех, без исключения, сибирских статуэток непропорционально велики по сравнению с их телами [1987]. Может ли это быть признаком специфического содержания символа? З.А. Абрамова ответа не дает, но важно, что проблема была заявлена. К ее рассмотрению обратился лишь В.Е. Ларичев, увидев в статуэтках черты антропозооморфных существ [1999]. Искажения подчеркивали семантический статус информации, заключенной в фигурках. По мнению В.Е. Ларичева, многие такие изображения являются астрономическими календарями, символами астральных тел [1992; 1994а, б; 1997; 1998; 2000].

птица является лишь его частью. Данный факт сомнений не вызывает, но выводит наше исследование за ранее установленные рамки. Вернемся к образу и еще раз, но уже четче обозначим важные семиотические характеристики, без учета которых его восприятие несправедливо: 1) перед нами не птица, а лишь нечто ее напоминающее; «то», что когда-то птицей было. У этого «существа» нет крыльев – важный признак пернатых образов либо образов, которым волею человека определено было летать; 2) данные предметы могли быть связаны с человеком, но, по-видимому, не имели прямого и постоянного на него влияния. При стечении обстоятельств, нам не известных, человек мог расстаться с ними. Причем не просто потерять или забыть их на поселении, а сознательно от них отказаться, поместив в «каменные конструкции» (которые уж очень, но пока безосновательно, хочется назвать специфическими «погребениями» фигурок).

Заключение

Приступая к данному исследованию, мы не рассчитывали получить ответы на вопросы о содержательной сути орнитоморфных изображений. Немногочисленность опубликованных материалов памятника и методический уровень процедуры их интерпретации не позволяют выдвинуть даже аргументированных предположений на этот счет. Но это не сдерживает попыток теоретических обобщений; как правило, не базируются на детальном анализе знаковой полноты основного источника рассуждений – изображения собственно. Всевозможные теории, развитие которых связано с предметными сферами культурологии, этнологии, религиоведения, чаще отвлекают внимание от конкретной знаковости археологического текста и контекста, чем пытаются их объяснить. За 70 лет существования мальтинско-буретской коллекции никто из исследователей не обратил внимания на характерную деталь орнитоморфных изображений – «бескрылость» образов. Сибирские памятники Мальта и Буреть представляют уникальный изобразительный материал; одна из тем – птица с обрезанными крыльями, птица, которая по каким-то причинам не может летать. Задумавшись, насколько справедливо воспринимать данное изображение в его знаковой полноте символом Солнца, верхних сфер и всего остального, связанного с «верхом» или стремительным движением в какой-либо из сфер. А именно данный тематический спектр оказался преобладающим в отечественном палеоискусствоведении. Как объяснить эти «ведущие» детали, в чем суть их содержания – задачи более серьезных исследований. Для начала нам нужно научиться их видеть, согласиться с важностью их присутствия, а не скрывать за «масками стилизации».

Список литературы

- Абрамова З.А.** Палеолитическое искусство на территории СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 85 с., 63 табл. – (САИ; вып. А 4/3).
- Абрамова З.А.** О некоторых особенностях палеолитических женских статуэток Сибири // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 28–36.
- Борисковский П.И.** Палеолит Украины. Историко-археологические очерки. – 1953. – 464 с. – (МИА; № 40).
- Герасимов М.М.** Мальта. Палеолитическая стоянка (предварительные данные): результаты работ 1928/29 гг. – Иркутск: Власть труда, 1931. – 34 с.
- Головнев А.В.** Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 606 с.
- Замятин С.Н.** Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита // Проблемы истории первобытного общества. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 80–108.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней /** Под ред. А.П. Окладникова. – Л.: Наука, 1968. – Т. 1. – 454 с.
- Кондратенко А.П.** К вопросу о функциональном назначении верхнепалеолитической пластины стоянки Мальта // Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 66–76.
- Ларичев В.Е.** Матерь Мира (календарь беременности женщины древнекаменного века Сибири и семантика скульптур палеолитических Венер) // Изв. СО РАН. Сер. История, филология и философия. – 1992. – Вып. 3. – С. 48–56.
- Ларичев В.Е.** Богиня Луны (расшифровка знаковой системы мальтинской скульптуры и семантика ее) // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. – Новосибирск: Наука, 1994а. – С. 40–52. – (История и культура Востока Азии; т. 23).
- Ларичев В.Е.** Пращур Богов (астральная идентификация мальтинской скульптуры) // Методология и методика археологических реконструкций. – Новосибирск: Изд-во Ин-та теплофизики СО РАН, 1994б. – С. 126–147.
- Ларичев В.Е.** Скульптурный образ Солнца в искусстве древнекаменного века Сибири (мальтинская культура) // Древняя астрономия: Небо и человек: Тез. докл. Междунар. науч.-метод. конф., 19–24 нояб. 1997. – М., 1997. – С. 44.
- Ларичев В.Е.** Венера Сибирская: антропоморфная скульптура из Бурети и прочтение связанной с нею знаковой записи // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: Мат-лы Междунар. симп. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 2. – С. 94–112.
- Ларичев В.Е.** Заря астрологии: зодиак троглодитов, Луна, Солнце и «блуждающие звезды». – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 320 с.
- Ларичев В.Е.** Астральные боги древнекаменного века Сибири (мальтинская культура) // Рериховские чтения: Мат-лы конф. – Новосибирск, Рериховское об-во; СО РАН, 2000. – С. 403–415.
- Левин М.Г.** Этнографические и антропологические материалы как исторический источник (К методологии изучения истории бесписьменных народов) // СЭ. – 1961. – № 1. – С. 20–27.
- Напольских В.В.** Опыт реконструкции семантики мальтинских орнитоморфных изображений // Модель в культурологии Сибири и Севера. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1992. – С. 66–73.
- Окладников А.П.** Утро искусства. – Л.: Искусство, 1967. – 135 с.
- Семенов С.А.** Развитие техники в каменном веке. – Л.: Наука, 1968. – 362 с.
- Топоров В.Н.** К происхождению некоторых поэтических символов эпохи палеолита // Ранние формы искусства. – М.: Искусство, 1972. – С. 77–98.
- Файнберг Л.А.** О возможных этнографических аналогах первобытного общества охотников и собирателей // СЭ. – 1981. – № 6. – С. 42–51.
- Формозов А.А.** Памятники первобытного искусства на территории СССР. – М.: Наука, 1980. – 136 с.
- Фролов Б.А.** Первобытная графика Европы. – М.: Наука, 1992. – 200 с.
- Шмидт И.В.** К глубине метода. Из истории методического актива семантического анализа палеоискусства Северной Азии // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Алмааты; Омск: Издат. дом «Наука», 2004. – С. 290–292.
- Шнирельман В.А.** Этноархеология – 70-е годы // СЭ. – 1984. – № 2. – С. 100–113.
- Bandi H.-G., Maringer J.** Kunst der Eiszeit. Levantekunst. Arktischekunst. – Basel: Holbein, 1955. – 170 S.
- Brentjes B., Vasilevsky R.S.** Schamanenkroner und Weltenbaum: Kunst der Nomaden Nordasiens. – Leipzig: E.A. Seeman, 1989. – 204 S.
- Drössler R.** Kunst der Eiszeit (von Spanien bis Sibirien) – Leipzig: Koehler & Amelang, 1980. – 242 S.
- Ghazal E.** Schlangenkult und Tempelliebe: sakrale Erotik in archaischen Gesellschaften. – Berlin: Simon und Leutner, 1995. – 331 S.
- Graziosi P.** Die Kunst der Altsteinzeit. – Florenz: Copyright by Sansoni, 1956. – 300 S.
- Hančar F.** Zum Problem der Venusstatuetten im eurasischen Jungpaleolithikum // Prähistorische Zeitschrift. – 1940. – Bd. 30/31. – S. 85–156.
- Ozols J.** Zum Schamanismus der jungpaläolithischen Rentierjäger von Mal'ta // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. – 1971. – Bd. 12. – S. 27–49.

Материал поступил в редакцию 12.03.07 г.